

ГЛАВА 1

Если и существует лучший способ ждать, пока убьют Фаррона Бэнкса, я его не нашла. Знаю только, что все это как-то неправильно.

Мои руки трясутся, когда я устраиваю у себя на коленях тяжелый учебник старого мира. Свеча мерцает, еле-еле позволяя рассмотреть слова. «Остановка сердца происходит, когда сердце больше не может формировать достаточный пульс для циркуляции крови. Причина может быть электрической природы, когда сердце бьется слишком часто...»

Текст размывается. Не будь я на грани рыданий, я бы засмеялась. Разумеется, страница, которую я открыла, чтобы отвлечься от смерти... должна быть про смерть.

Хотя, будем честны, тут про *естественную* смерть. Не про ту, где участвует стрела в сердце. Или топорик. Или клинок.

Эту смерть принесет один из вождей наших кланов. Не будет ничего естественного в том, как Фаррон — лидер наших врагов, Кингслендов, — умрет.

Кровавые небеса. Я вздыхаю и захопываю ветхий учебник. Пружины старого дивана, накрытого одеялом, скрипят, когда я бросаю свою самую большую драгоценность на подушку.

— Мне нужен новый способ отвлечься, — бормочу я.
Нет, что мне нужно, так это отменить все это.

Не только состязание отца по убийству Фаррона, но и брак со мной как приз для победителя.

Вот только я не могу это сказать, не став предательницей. Не проявив неблагодарность. Не получив наказание.

Мама отрывается от своего занятия: она привязывает листья жаронити к полоскам ткани над потрескивающей печью. Бревенчатый потолок затянут ими: мама снабжает травами целительниц во всех пяти кланах.

— Успокойся, Исидора, — ее голос тих, но слова звучат как приказ.

Я киваю и медленно вдыхаю, но из-за запаха дыма, смешанного с землистым ароматом трав, не могу отдышаться.

Мама поджимает тонкие губы.

— Иди сюда. Займи руки и помоги мне перебрать тысячцветник. Тебе все равно не стоит это читать. Ты знаешь, что эти книги опасны и...

Я вскакиваю на ноги. Свежий воздух — вот что мне нужно. Пространство для движения. А не еще одна лекция о том, как обычаи старого мира привели к бомбардировке Республики — нашего дома.

— Это просто справочник, — бормочу я по дороге к двери. — Ничем не отличается от тех, которыми мы пользуемся, чтобы чинить колодцы или изучать растения.

Вру. Этот учебник не просто основы. Это окно во время, прекратившее существование тридцать семь лет назад. И хотя я бы поспорила, что нам *надо* изучать старый мир, чтобы спасти жизни, важно, что в этих книгах скрыт иной способ мышления. Прямая дорога к извращениям и упадку, которые привели к разрухе на нашем континенте. По крайней мере, так говорили, когда сжигали большую часть наших книг.

В комнату врывается отец, его ботинки оставляют следы на деревянном полу.

У меня перехватывает дыхание, когда его взгляд падает на учебник. Я не двигаюсь, осознавая, что доставать книгу из-под кровати было глупым риском.

К счастью, отец здесь не из-за этого.

— Разведчики вернулись.

Они вернулись.

Он исчезает за входной дверью, впуская порыв ветра, от которого качаются травы и трепещет пламя свечей в стеклянных шарах.

Мама приглаживает волосы, выбившиеся из длинной косы, потом твердо смотрит на меня.

— Все будет хорошо. Сараф об этом позаботится.

Может, мой отец — Сараф — и олицетворяет абсолютную власть в пяти кланах как их основатель и вождь, но никто из родителей не может обещать мне, что все будет хорошо. Если выиграет *он* — нет. Я закрываю глаза, а когда снова открываю, в них стоят слезы злости.

— Тебя правда устроит, что твоя восемнадцатилетняя дочь выйдет за палача тридцати четырех лет от роду?

Разум против воли подкидывает мне образ Джеральда, вождя клана Мэска, и желудок сводит от отвращения. Я могла бы выйти за вождя *любого другого* клана. Одного из мужчин, кто соревнуется за то, чтобы стать новым Сарафом. Но не за главу нашей стражи. От Джеральда несет смертью. Я вижу это в косточке, висящей у него на шее. Слышу в криках, которые проникают сквозь стены, когда он пытается пленников, давая достойный ответ Кингслендам за все, что они с нами сделали. Он наш лучший боец, но крайне жесток, и это делает его шансы на победу...

Мама сглатывает.

— Это может быть Лиам.

Да, это может быть мой друг, молодой вождь клана Кодор. Он всегда слушал мою болтовню о том, что я вычитывала в учебниках, которые он тайком мне таскал. Из вождей пяти кланов, соревнующихся за мою руку, он лучший кандидат. Другого такого не найти. Но пусть

Лиам силен и умел, он родом из клана плотников, а не воинов.

— Он недостаточно безжалостен для этого, — тихо говорю я.

Как и прочие вожди. Я фыркаю при мысли об остальных претендентах — все вдовцы с детьми. Вождь клана фермеров — самый умный среди нас, но это касается только земледелия. Вождь скотоводов физически силен и разбирается в животных, но ничего не смыслит в том, как сражаться и убивать наших врагов. То же самое можно сказать про пятого и последнего участника, представляющего Ханук, мой клан, — доверенное лицо моего отца, невыносимого человека, чья специализация мне неизвестна. Я хотела бы только, чтобы он мылся с тем же тщанием, с которым болтает.

Простая истина — что, скорее всего, Джеральд станет моим мужем — обвиняет мое сердце, как терновая плеть. Но вместо того чтобы успокоить меня, мама коротким жестом приглашает следовать за ней наружу и занять место подле отца на крыльце.

Возле нашего бревенчатого дома останавливается Денвер, слезает с коня. Он разведчик и, как и многие мужчины нашего клана, потерял руку из-за инфекции, а потому из оружия при нем всего пара ножей на бедре.

— Сверкающие бычьи яйца, у нас есть победитель. — Он ухмыляется во все зубы, поднимаясь к нам по ступеням. — Кто-нибудь, заведите сирену. Дело сделано.

Отец улыбается. Он как будто затаил дыхание. Безумно рад. Для него это значит, что мы наконец отсекали голову чудовищу, которое преследовало нас десятилетиями.

Но мне не кажется, что все так просто. Мы не остановили их. Мы просто пнули гнездо шершней.

Теперь будет война. Настоящая война. Их набеги посреди ночи и нападения, чтобы запугать и согнать нас

с нашего клочка чистой земли, — ничто по сравнению с грядущим. Теперь они будут сжигать наши дома, заперев нас внутри. Будут отнимать всех наших животных и припасы. Нам понадобится *каждый* боеспособный член клана, чтобы выстоять против них.

И я — та, кто способна объединить кланы. Я вцепляюсь в перила, когда меня накрывает волной опустошения: варварское испытание, назначенное отцом, завершилось. *Я выхожу замуж*. Но за кого?

От деревьев доносится глухой стук копыт. Я иду по крыльцу, огибающему дом, стараясь увидеть что-нибудь за пределами света факелов, обозначающих границы нашего двора.

Первым появляется мой брат Перси, он резко осаживает свою вороную кобылу. Его отросшие светлые волосы откинута назад и спутаны ветром.

— Кто наш победитель? — требует ответа отец, скрепящая руки на широкой груди.

Перси спрыгивает с лошади и бросает поводья одному из соседских детей.

— Как насчет: «Ты не ранен? Все ли вернулись домой целыми?»

Он качает головой и отходит в сторону.

— Перси! — орет отец. — А ну вернись!

Я сдерживаюсь, когда отец слетает вниз по ступеням вслед за Перси. Его внушительная фигура полностью заслоняет брата от меня.

— Отвечай, — рычит он.

Перси разворачивается к нему.

— Тебе нужны ответы? Вот тебе ответ: ты должен был выбрать *меня*, достойного претендента, твоего представителя от клана Ханук. А вместо этого ты выбрал Харриса, у которого *конь* лучше управляется с оружием, чем он сам.

— Победитель женится на твоей сестре. Это исключает тебя из списка.

— А ты исключил для нашего клана возможность сохранить власть с Сарафом во главе. Но, видимо, тебе все равно. Какая разница, что будет с кланами, когда ты умрешь, так?

Палящие судьбы. Значит, Джеральд победил? Задушенный звук вырывается из моего горла, и я подавляю внезапное желание сбежать.

Костлявое плечо мамы плотно вжимается в мое.

— Помни о своем долге, — шепчет она. — Брак — это обещание.

Обещание. Или, скорее, контракт. Я — *гарантия* того, что победитель состязания станет следующим Сарафом после смерти отца.

Я закрываю глаза. Что хуже? Нежеланный брак? Или кланы, которые рассорятся из-за наследования, в то время как враги придут и перебьют нас всех?

Ответ прост. Именно поэтому я не делаю ни шага с места. Мы должны быть едины. Иначе всем пяти кланам не пережить грядущую войну. И все же мою грудь жжет от ужаса, поэтому я представляю те жизни, которые спасет этот брак: моя лучшая подруга Фрейя; наши соседи и их маленькие дети; мои родители, мой брат. Разве не для этого я стала целительницей? Чтобы помогать людям — спасти их?

Отец говорит что-то Перси на ухо, потом толкает в сторону его бревенчатого дома в паре сотен футов от нашего.

Из леса снова доносится стук копыт. Еще одна фигура на лошади выныривает из темноты. И что-то — кто-то — привязано к спине лошади позади всадника. Я цепенею, пока свет факелов наконец не падает на лицо наездника.

Лиам.

Всхлип облегчения застревает у меня в горле.

Лиам оглядывает собравшихся, ненадолго останавливаясь на отце, и встречается глазами со мной.

Я крепче вцепляюсь в деревянные перила. Как это возможно?

— Заводи сирену, — говорит отец Денверу, потом повышает голос, чтобы его слышали десятки соседей, собравшихся в ожидании новостей: — Наши мучители побеждены. В состязании есть выигравший.

Лиам останавливается посреди двора, и его догоняет еще один однорукий разведчик.

— Мой конь ранен. Поймал стрелу, — говорит Лиам отцу. — Мне сперва надо отвести его в амбар.

— Оставь тело Фаррона, — говорит отец.

Неожиданно Лиам качает головой.

— Нет. Он мертв. Мой конь — нет. Потом разберемся с телом. — Мягким толчком каблуков он посылает Хемлока вперед.

У меня падает сердце, когда лицо отца напрягается. Но прежде чем он успевает отдать приказ, начинает выть штурмовая сирена, объявляя об окончании состязания, — все громче и громче, когда раскручивается механизм.

Лиам снова встречается со мной взглядом, и в его глазах что-то вспыхивает, прежде чем он исчезает за углом. Что-то очень похожее на панику. Может, просьба. Наверное, его конь серьезно ранен.

— Пойду помогу ему, — бормочу я, хотя лошади и не моя специальность. Я поворачиваюсь, хватаю дорожную сумку с бинтами и травами, висящую у двери, и сбегаю по ступеням.

Дорожки, ведущие к домам, заполняются людьми, жаждущими новостей. Я проскальзываю мимо соседей, и слезы застилают мне глаза. Поверить не могу, что все это происходит на самом деле. Я не обязана выходить замуж за Джеральда.

К тому моменту, как я добираюсь до амбара, Лиам уже заводит Хемлока внутрь и стоит возле двойных дверей, ожидая меня. Он зажег два факела, чтобы у нас

было достаточно света. Когда я вхожу, мне в нос бьют запахи взмокшего тела и отчетливо-сладковатый — конского пота.

— Куда его ра...

Лиам захлопывает двери, обрывая меня, потом задвигает засов, запирая нас внутри.

— Фаррон не мертв.

— Что? — Я резко оборачиваюсь, чтобы посмотреть на тело — на мужчину, привязанного к коню лицом вниз.

Лиам торопливо поправляет веревку, удерживающую Фаррона на месте. По крупу Хемлока стекает красно-черная кровь.

Лиам проводит рукой по темным волосам.

— Я... не смог это сделать. Твой брат сбил Фаррона с лошади и передал мне нож, но я замер. Поэтому Перси ударил его и оставил меня с телом. Но Фаррон все еще жив. Или, по крайней мере, был, когда я проверял в последний раз.

О звезды. Если он все еще жив, значит, Лиам не мой...

Взгляд возвращается к крови. К мужчине. Лиам хотел, чтобы я закончила то, что начал Перси?

Ждать, пока Фаррон умрет, — это одно, но убийство... Я никогда не смогу.

Человек передо мной не отличается от множества соклановцев, которых я лечила, и мои инстинкты кричат, что я должна помочь. Я всю свою жизнь училась, чтобы не давать людям умирать.

Что, если я смогу спасти его и предотвратить полноценную войну с Кингслендами?

— Отвяжи его. — Я сбрасываю медицинскую сумку и засучиваю рукава. — Помоги снять с коня.

«Следи за тоном». Упрек мамы — один из бесчисленных из моего детства — бьет по мыслям, как резиновая лента. Напоминает о том, что Лиам не Фрейя и не мой брат. Лиам мужчина.

У него на скулах твердеют желваки, но он кивает.

Мы скидываем Фаррона на руки Лиама, а потом укладываем на пол, покрытый навозом и соломой. С губ мужчины срывается тихий стон.

— Не надо бы позволять тебе это делать, — говорит Лиам, проводя ладонью по квадратной челюсти. На лоб ему падает совершенно мальчишеский завиток темных волос, отчего он сразу же выглядит младше своих двадцати. Я тянусь к рубашке Фаррона — надо остановить кровотечение, — но Лиам перехватывает мою руку и крепко держит. — Ты меня слышала? Он террорист. Он должен умереть.

Более подходящих слов для Фаррона не подберешь. Этот человек приказывал своим войскам нападать на нас, подобно ночным духам, обезглавливая или похищая наших животных. Он натренировал своих солдат быть настолько бесчеловечными, что немногие члены кланов, пережившие их пытки, возвращались ослепленными и без больших и указательных пальцев — эти травмы не давали им держать оружие.

Им нужны наше имущество и наши земли, и они пытаются получить это с помощью страха. Но их террор не закончится на нас. Как и при любом правителе-тиране, страдают наиболее слабые — в основном женщины, — к которым относятся как к рабам. Без сомнения, мир станет лучше, когда Фаррон исчезнет. И все же я, как и Лиам, не могу убить его.

— Лиам, — говорю я, перехватывая его встревоженный взгляд. — Распахни ему рубашку.

У него раздуваются ноздри, и он бормочет ругательство. Потом убирает свою руку с моей, и воздух прорезает звук рвущейся ткани.

Мгновение я изучаю нашего врага. Фаррон совершенно не такой, как я ожидала. Приятные, даже красивые черты лица и волосы, тронутые сединой, — он выглядит обычно. Человечно.

Это выбивает из колеи.

Из его рта вырывается хрип и выводит меня из ступора. Я прикладываю ухо к его груди и слушаю.

— Так много крови, — говорит Лиам.

Это правда. Прямо над его сердцем зияет двухдюймовая колотая рана. Из заполняющей ее крови поднимаются пузыри — пробито легкое.

— Мою сумку. — Я указываю в ту сторону, где ее бросила.

Дверь амбара дрожит, потом в нее бьют кулаком.

— Почему заперты двери? — спрашивает приглушенный голос отца.

У меня расширяются глаза, и я смотрю на Лиама.

— Не обращай внимания, — шипит он.

Это ужасная идея, но ладно. К сожалению, Фаррон выбирает именно этот момент, чтобы закашляться. Кровь течет у него изо рта, тело сотрясается в конвульсиях, поэтому рана тоже начинает кровоточить. Я тянусь остановить кровь, но в этот момент Фаррон открывает глаза, и я замираю. Его мутный взгляд полон замешательства. Он моргает, рассматривая балки, бревенчатые стены, а потом меня.

— Успокойся, — шепчу я. — Мы тебе не навредим.

— Лиам! Исидора! — орет отец. — Откройте дверь, пока я ее не выбил!

Мои щеки заливают краска злости.

Глаза Фаррона устремляются к двери, потом снова закрываются. Дыхание учащается, губы становятся синеватыми. Держу пари, вдобавок ко всему у него произошел коллапс легкого... и с этим я уже не могу помочь.

— Иди сюда и займи мое место, — шепчу я Лиаму.

Он подчиняется, и я кладу его руку на место своей — над раной. Освободившимися окровавленными пальцами вытаскиваю содержимое моей маленькой медицинской сумки. Мне на ногу вываливаются

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

